

С. Л. РУБИНШТЕЙН

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ, РЕЧИ И МЫШЛЕНИИ

Вопрос о соотношении мышления и языка, мышления и речи принадлежит к числу наиболее сложных и дискуссионных. Трудность решения этой проблемы связана в значительной мере с тем, что при постановке ее в одних случаях имеется в виду мышление как процесс, как деятельность, в других — мысль как продукт этой деятельности; в одних случаях имеется в виду язык, в других — речь. Соотношение языка (или речи) и мышления берется то в функциональном, то в генетическом плане, причем в первом случае имеются в виду способы функционирования уже сформировавшегося мышления и роль, которую при этом играют язык и речь, во втором случае вопрос заключается в том, являются ли язык и речь необходимыми условиями возникновения мышления в ходе исторического развития мышления у человечества или в ходе индивидуального развития у ребенка. Понятно, что если принимается во внимание главным образом одна из сторон проблемы, а решение относится затем ко всей проблеме в целом без дифференциации различных ее аспектов, то решение уже в силу этого неизбежно оказывается не однозначным. Разнобой еще увеличивается в силу различия теоретических позиций, с которых к этой проблеме подходят¹.

Для того чтобы однозначно поставить и решить вопрос о соотношении мышления (и мысли) и его языковой оболочки, надо прежде всего различить и правильно соотнести язык и речь. Лишь рассматривая язык и речь в их различии и взаимосвязи, можно разрешить вопрос об отношении каждого из них и их обоих вместе к мышлению. Различие языка и речи было, как известно, введено в языковедение еще Ф. де Соссюром. Он различал «la langue» и «le langage»². Мы не можем принять общей концепции Соссюра, прежде всего того, что и речь и язык оказываются в его представлении в конечном счете психологическими образованиями — с той лишь разницей, что язык относится к социальной психологии, а речь — к индивидуальной.

¹ Продемонстрировать этот разнобой может, например, «симпозиум», посвященный речи и мышлению, в котором приняли участие выдающиеся зарубежные ученые, занимающиеся указанными проблемами (см. «Acta psychologica», vol. X, № 1—2, Amsterdam, 1954). В своем заключительном слове организатор этого «симпозиума» Ревелл был вынужден признать, что никаких общих итогов подвести нельзя, приходится лишь констатировать полнейший разнобой мнений по вопросу о языке и мышлении.

² См. F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris, 1922 (русский перевод: Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933. См. особенно гл. III — «Объект лингвистики» и гл. IV — «Лингвистика языка и лингвистика речи»). О языке и речи см. также А. Н. Gardiner, The theory of speech and language, Oxford, 1932 (2-d ed.—Oxford, 1951). В советской литературе вопрос о взаимоотношении языка и речи получил оригинальное и интересное освещение в работах акад. Л. В. Щербы (см. Л. В. Щерба, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении, ИАН СССР, серия VII—Отд-ние обществ. наук, 1931, № 1 и др. работы). О соотношении языка и речи см. также А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, М., 1954.

Неприемлемы и основания, по которым Соссюр различал язык и речь, поскольку они строились на противопоставлении общественного и индивидуального¹.

Вместе с тем самое различие языка и речи — вопреки высказывавшимся в последнее время взглядам² — должно быть сохранено. Вопрос заключается лишь в том, как, по каким линиям их следует разграничивать. Различая речь и язык, надо вместе с тем и соотносить их. Прежде всего, нельзя, на наш взгляд, изъять из речи и отнести к языку все языковые образования, оставляя за речью лишь деятельность как таковую, лишнюю всякого языкового содержания. Язык — это национальный по своему характеру, данным народом общественно обработанный словарный состав и грамматический строй, выражающийся в определенных правилах (закономерностях) сочетания слов в предложения. Сами же конкретные предложения, которые непрерывно высказываются людьми устно и формулируются письменно, относятся не к языку, а к речи: они образуют языковой материал, в котором только реально и существует язык. Из этого языкового материала лингвист извлекает составляющий данный язык словарный состав и грамматику. Но ни один язык (русский, украинский, французский и т. д.) не есть совокупность всего сказанного и написанного на этом языке. Отожествлять язык — предмет языкознания с совокупностью всего сказанного и написанного на данном языке, всего высказанного людьми, на нем говорящими, — значило бы отнести к языкознанию все содержание литературы и науки, растворить в языкознании содержание всех наук. А это явно бессмысленно. Грамматика как часть языкознания изучает общие закономерности сочетания слов, но она не охватывает все возможные и реально встречающиеся закономерные их сочетания³.

Речь — это использование средств языка индивидом сообразно с задачами, которые перед ним стоят, и условиями, в которых эти задачи возникают; этот процесс совершается в виде речевой деятельности и выражается в речевых образованиях, посредством которых совершается общение; язык же — та совокупность средств, которые речь при этом использует. Речевые «произведения» или образования (речь как текст в отличие от деятельности по его созданию) могут относиться к любой области знания. Однако речь как таковая — все же языковое (хотя и не лингвистическое) явление. Лингвистическая задача при его изучении заключается в раскрытии законов языка (грамматики и т. д.), согласно которым оно строится. Мы различаем языковые явления и лингвистические категории. Лингвистические категории возникают в результате изучения языковых явлений.

Это различие языка и речи лежит целиком в лингвистическом плане. Его никак нельзя смешивать (как это сплошь и рядом делается) с соотношением лингвистического и психологического подхода к языку — речи. Психологический подход возможен только в отношении речи; при этом сама речь — это прежде всего лингвистическая, а не психологическая

¹ Формулировки де Соссюра по этому вопросу, впрочем, не однозначны; так, на стр. 38 русского перевода он пишет: «Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального». Наряду с этим на стр. 34 мы находим правильное положение: «У речевой деятельности есть и индивидуальная и социальная сторона, причем нельзя понять одну без другой».

² См., например, Ф. Н. Шемьякин, Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., 1952.

³ Это различие было проведено в диссертации Ф. А. Сохина (см. Ф. А. Сохин, Начальные этапы овладения ребенком грамматическим строем языка, Автореф. канд. диссерт., М., 1955).

категория. Психологический подход к языку вообще неприменим и ведет к неправомерной психологизации языковедческих явлений. Проблема речи с точки зрения психологии — это прежде всего проблема общения посредством языка (и проблема мышления при овладении речью и использовании ее). Психологическое изучение развития речи раскрывает, как в процессе общения и обучения ребенок овладевает языком. Когда, как это делается, например, в книге А. Н. Гвоздева¹, исследование сводится к инвентаризации грамматических форм, которые на каждом этапе могут быть зарегистрированы у ребенка, языковедческий подход применяется к самому формированию речи (в частности, ее грамматического строя) у ребенка. Однако при таком языковедческом подходе происходит лишь поэтапная инвентаризация языковых средств; самый процесс формирования речи как таковой при этом неизбежно выпадает. Изучение собственно формирования речи у ребенка требует психологического подхода, психологического исследования и заключается оно в раскрытии того, как в процессе общения (и обучения) ребенок осваивает родной язык, овладевает лексическими и грамматическими обобщениями, создавая в целях общения из языкового материала соответствующие речевые «произведения».

Проведя различие между языком и речью², можно теперь поставить вопрос о соотношении как языка, так и речи с мышлением³. Первым,

¹ См. А. Н. Г в о з д е в, Формирование у ребенка грамматического строя русского языка, М., 1949.

² Различая язык и речь, надо и слово рассматривать в двойном качестве — как единицу языка и как единицу речи. Как единица речи слово, в зависимости от условий его употребления и от контекста, имеет изменяющееся значение. Как единица языка слово имеет относительно устойчивое — «словарное» значение или ряд друг с другом связанных значений (см. О. С. А х м а н о в а, К вопросу о слове в языке и речи, «Докл. и сообщ. Филол. фак-та [МГУ]», вып. 5, 1948).

³ Это различие языка и речи необходимо учитывать и при решении вопроса о соотношении логики и грамматики. Пользуясь любым языком, человек может выразить свои мысли. Но то, что в одном языке непосредственно зафиксировано в грамматических категориях, в грамматическом строе языка, в других языках выражается при помощи лексических средств. Это выражение логических соотношений при помощи лексических средств представляет собой операцию, совершающуюся в плане речи при помощи речевых произведений. Спор между теми, которые утверждают, что существует полная эквивалентность логики и грамматики в любом языке, и теми, кто такую всеобщую эквивалентность отрицает, нередко обусловлен неоднозначной постановкой вопроса, неясностью в вопросе о соотношении языка и речи. Можно, вообще говоря, согласиться с Серрюсом (см. Ch. S e r r u s, Le parallélisme logico-grammatical, Paris, 1933) в том, что логические категории мысли не совпадают с грамматическими категориями языка (стр. IX и ряд последующих). Из этого, однако, не следует, что для речи (le langage) соотношение мыслей остается чем-то внешним, поскольку речь — это «комбинирование слов и их отношений по правилам игры» (стр. 185 той же книги), не имеющее ничего общего с логикой выражаемых речью мыслей. Правы критикующие Серрюса Д. П. Горский и Н. Г. Комлев, которые утверждают, что средствами языка можно выразить всевозможные логические соотношения мыслей (см. Д. П. Горский, Н. Г. Комлев, К вопросу о соотношении логики и грамматики, ВФ, 1953, № 6). Доказывая это положение, они в своей статье оперируют не только грамматическими, но и лексическими категориями и имеют по существу дело не с языком как таковым, а с речью. Однако из того, что средствами языка в речи можно выразить логические соотношения мыслей, никак не следует, что «система грамматических категорий языка всегда полностью соответствует системе логических категорий», как утверждается в той же статье (стр. 68). Так неадекватное понимание соотношений языка и речи делает невозможным не только решение, но и надлежащую постановку вопроса, связанного с соотношениями языка, речи и мышления.

Средствами языка можно в речи выразить все логические отношения, но из этого не следует непосредственное соответствие или совпадение логического строя мысли с грамматическим строем языка как такового. С другой стороны, несмотря на это несовпадение, средствами разных языков в принципе можно в речи выразить отношения, фиксируемые логикой. Тем не менее соотношение логики и грамматики, логического строя мысли и грамматического строя языка в различных языках не одинаково. В грамматическом строе разных языков непосредственно фиксировано разное логиче-

естественно, встает вопрос о мышлении и языке. Язык, созданный народом и воспринимаемый каждым к нему принадлежащим индивидом в качестве некой общественно-отработанной и от него независимой «объективной реальности», является необходимой языковой (в широком смысле слова) базой мышления. Без нее отвлеченное мышление невозможно.

Язык, слово является необходимым условием возникновения и существования мышления в собственном специфическом смысле. Лишь с появлением слова, позволяющего отвлечь от вещи то или иное свойство и объективизировать представление или понятие о нем в слове, зафиксировав таким образом продукт анализа, впервые появляются абстрагируемые от вещей «идеальные» объекты мышления, как «теоретической» деятельности, а отсюда — и сама эта деятельность. Применение анализа, синтеза, обобщения к этим «объектам», которые сами являются продуктами анализа, синтеза, обобщения, позволяет затем выйти за пределы исходного чувственного содержания в сферу абстрактного мышления и раскрыть стороны и свойства бытия, недоступные непосредственно чувственному восприятию. Будучи прежде всего условием возникновения мышления, язык, слово является вместе с тем необходимой материальной оболочкой мысли, ее непосредственной действительностью для других и для нас самих. У человека со сформировавшимся речевым мышлением фактически всякое мышление происходит на языковой базе. В самом процессе своего становления — даже еще до того, как оно породило и оформило определенные мысли, мышление совершается на основе грамматической схемы предложения как высказывание чего-то о чем-то¹. Самые же мысли, формирующиеся в процессе мышления, возникают на базе слов, мыслятся посредством слов.

Неверно было бы, однако, на этом основании утверждать единство языка и мышления как формы и содержания, если при этом понимать, что мышление сводится к содержанию языка, т. е. к значениям слова, а форма мысли — к языку, к языковым формам. Мышление имеет свою форму — логическую, а язык свое содержание — значение слов, их фиксированную семантику, которая не изменяется в результате каждого мыслительного акта индивида, а образует устойчивую основу, из которой исходит и посредством которой осуществляется его мыслительная деятельность.

Семантика языка, значения слов, входящих в его словарный состав, представляют собой фиксированный итог предшествующей работы мысли народа. Каждый язык, фиксируя в значениях слов результаты познания действительности, по-своему их анализирует, по-своему синтезирует выделенные анализом в значении слов стороны действительности, по-своему их дифференцирует и обобщает — в зависимости от условий, в которых этот язык формировался.

Различие в степени обобщения и дифференциации явлений в системе языка выступает особенно резко, если сравнить языки, сформировавшиеся в очень разнородных условиях, и взять в них слова, непосредственно обозначающие эти условия. Так, например, в языке саамов, как известно, имеется 11 слов, обозначающих холод, 20 разных слов для обозначения

свое содержание. Это не значит, что люди, говорящие на разных языках, не могут выразить все многообразие логических отношений, это значит только, что в зависимости от того, из логики мысли непосредственно зафиксировано в грамматике языка, различные задачи падают на долю речи.

¹ На такой вывод толкает проведенное под нашим руководством исследование Л. И. Каплан (см. Л. И. Каплан, Психологический анализ понимания научного текста. Автореф. канд. диссерт., М., 1953); в пользу этого положения говорят и данные Г. Ревеша (G. Révész), которые он сообщает в своей статье «Denken und Sprechen» (см. «Acta psychologica», vol. X, № 1—2).

различных форм и сортов льда, 41 слово для обозначения снега. Различие в степени дифференциации явлений, фиксируемой в словарном составе языка, выступает в данном случае особенно рельефно. Изучая ход исторического развития познания мира человеком, зафиксированный в языках разных народов, можно — мы полагаем — выявить различия не только в степени, но и в формах, в структуре обобщения, характерных для разных языков. При этом различия в форме и в степени обобщения, запечатлевшиеся в разных языках, не означают, конечно, что народы, у которых в ходе их развития сложилась та или иная система языка, не могут, пользуясь им, мыслить сейчас сообразно логическому строю современного научного знания. Им только нужно формулировать в речи результаты своего мышления, продвинувшегося на более высокую ступень, чем та, которая зафиксирована в системе значений их языка.

Различия в способе анализирования и синтезирования явлений выступают и на ряде более частных примеров. Так, некоторые языки, например русский, фиксируют в самом словарном составе различия речи и языка, обозначая их разными словами; в немецком же языке имеются слова *Sprache*, *sprechen* и *Rede*. Из них первое означает язык, второе и третье относятся к речи, но одно из них (*sprechen*) значит собственно говорить, а другое обозначает речь в смысле выступления (речь, произнесенную таким-то, по такому-то случаю). Русский язык не дифференцирует в своем словарном составе речь как единичное выступление и речь как деятельность, использующую язык для сообщения, выражающуюся в неограниченном числе отдельных речей — выступлений и отдельных высказываний, но зато фиксирует в самом языке выше приведенное различие речи и языка. В русском и немецком языках отразились различные линии анализа языковых явлений. Совершенно очевидно, что это различие языков не исключает возможности высказать те же мысли и провести ту же точку зрения на соотношение языка и речи на немецком языке, какая здесь была высказана на русском. Но в русском языке различие языка и речи зафиксировано в языке, а на немецком языке его надо провести в речи. Таким образом, конкретное соотношение языка и речи по отношению к разным языкам складывается по-разному.

Значение слов разных языков по-разному фиксирует и синтезирование явлений. Так, например, русское слово *рука* объединяет, синтезирует в единое целое то, что французский, немецкий и английский языки анализируют, расчлняя на две составные части: *bras — main* и *Arm — Hand*. Это опять-таки, конечно, не исключает возможности, говоря на русском языке, дифференцировать разные части руки, а говоря на французском, немецком или английском, высказать нечто о руке в целом. Но то, что в одном случае зафиксировано в самом языке, в других — надо средствами языка осуществить в речи¹.

То же можно сказать и об обобщении. В русском и английском языках фиксировано, например, обобщенное понимание познавательной деятельности: *знать* (по-английски *know*) и *понимать* (по-английски *understand*). В немецком и французском языках нет таких обобщенных обозначений знания и понимания. Вместо этого для обозначения знания во французском языке имеются слова *savoir* и *connaitre*, а в немецком — *wissen* и *kennen*. Из этих пар слов первые означают знание в смысле позна-

¹ Стоит отметить, что и числовой ряд анализируется и синтезируется в значениях слов в каждом языке по-своему. Так, например, число 95 по-русски — *девяносто пять* (т. е. $90 + 5$), по-немецки — *fünf und neunzig* (т. е. $5 + 90$), по-французски — *quatre-vingt quinze* (т. е. $4 \times 20 + 15$). Таким образом, одно и то же число выражено на разных языках разной системой словесных значений, при одном и том же понятийном содержании.

ния, а вторые — в смысле знакомства. Подобно этому, в немецком языке нет слова, которое по своей обобщенности соответствовало бы русскому обобщенному *понимать* (французскому *comprendre* и английскому *understand*). Вместо него в немецком языке имеются лишь более частные — *verstehen* и *begreifen*. Из них первое означает понимание с оттенком — уловить смысл, второе — постичь. Это опять-таки, само собой разумеется, не значит, что нельзя, пользуясь любым из этих языков, сформулировать ту же теорию познания, высказать те же мысли о природе знания и понимания, как в обобщенном, так и в дифференцированном их понимании. Но то обобщение и ту дифференциацию, которые в одном языке зафиксированы в самом словарном составе, в другом языке надо сформулировать в речи, пользуясь средствами языка и результатами дополнительной работы мысли. На базе различных языков, в которых зафиксированы некоторые итоги анализа и синтеза, дифференциации и обобщения, требуется разная дополнительная работа мысли, формулируемой в речи.

Примеры, подобные вышеприведенным, можно умножать без конца, но мы не станем этого делать. Важен здесь лишь общий вывод: в семантическом отношении язык — это определенная, в ходе исторического развития народа фиксируемая система анализа, синтеза, обобщения явлений. Овладевая в процессе обучения родным языком, ребенок в умственном отношении делает именно это приобретение — он осваивает определенную систему анализа, синтеза и обобщения явлений окружающей его мира¹.

В языке — в отличие от речи — заключен относительно фиксированный результат познавательной работы предшествующих поколений, результат предшествующей работы мысли с фиксированной в нем системой анализа, синтеза и обобщения явлений. Мышление человека не ограничено отложившимися в языке результатами анализа, синтеза и обобщениями явлений действительности, фиксированными в системе языка. Опираясь на них, мышление людей продолжает анализировать, синтезировать и обобщать, непрерывно углубляя эту работу и оформляя результаты ее в речи.

Совершаясь на базе языка, мысль формируется в речи. Мысль не существует без языковой оболочки, которую она получает в речи. Однако мышление и речь не совпадают. Говорить — еще не значит мыслить. (Это банальная истина, которая слишком часто подтверждается жизнью.) Мыслить — это значит познавать; говорить — это значит общаться. Мышление предполагает речь; речь предполагает работу мысли: речевое общение посредством языка — это обмен мыслями для взаимопонимания. Когда человек мыслит, он использует языковой материал и мысль его формируется, отдираясь в речевые формулировки, но задача, которую мышление разрешает, — это задача познавательная. Познавательная работа над мыслями, облеченными в речевую форму, отлична от работы над самой речью, над текстом, выражающим эти мысли. Работа над текстом, над речью — это отработка языковой оболочки мыслей для превращения последних в объекты осуществляемого средствами языка речевого общения.

В этой связи решается и вопрос о «функциях» речи. Рушится концеп-

¹ Безнадёжна, таким образом, попытка представителей современного семантического идеализма, как и всех их предшественников (номиналистов и пр.), свести мышление к языку или к речи — к совокупности слов и предложений, а эти последние — к лишнему смысловому содержанию знакам и их сочетаниям. Нельзя свести мысль к языку и, таким образом, отделаться от нее, потому что в самом языке мы опять-таки находим мысль; в нем заключено познавательное содержание.

ция (сформулированная особенно остро К. Бюлером)¹, согласно которой у речи несколько, по крайней мере две равноправные функции: 1) функция обозначения (или *Darstellung*) вообще — семантическая функция и 2) коммуникативная функция — функция общения². У речи одна функция, одно назначение — служить средством общения. Но речевое общение — общение посредством языка — специфично; специфика его заключается в том, что это общение мыслями; связь речи с мышлением — не особая функция речи, а выражение специфической природы общения, осуществляемого посредством речи. С другой стороны, у мышления одна «функция», одно назначение — познание бытия; связь его с речью, с языком не прибавляет мышлению новую «функцию», а выражает специфику человеческого мышления как общественно обусловленного явления и создает новые условия для мыслительной деятельности.

¹ Изложение учения К. Бюлера о функциях речи см. в следующих его работах: К. В ü h l e r, *Über den Begriff der sprachlichen Darstellung*, «Psychologische Forschung», Bd. III, Heft 3, Berlin, 1923; е г о ж е, *Die Symbolik der Sprache*, «Kantstudien», Bd. XXX, Heft 3—4, Berlin, 1928; е г о ж е, *Zur Grundlegungen der Sprachpsychologie*, в кн. «VIIIth International congress of psychology», Groningen, 1927; е г о ж е, *Die Krise der Psychologie*, Jena, 1927 (2-е Aufl. — 1929) (см. в этой книге специальную главу, посвященную речи); е г о ж е, *Sprachtheorie. Die Darstellungs — funktion der Sprache*, Jena, 1934 (основной труд автора) и др.

² В современной советской лингвистической литературе эта точка зрения представлена у Чикобава (см. А. С. Ч и к о б а в а, *Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении*, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» [М.], 1950; см. особенно стр. 47—50).